

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д. филос. н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ, УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ И ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ (Часть 1)

Аннотация. Когнитивная война становится одним из наиболее важных элементов текущих дебатов о войне и мире в глобализирующемся социуме. Что такое когнитивная способность и как она может быть трансформирована в одно из средств войны? Действительно ли это принципиально новый тип войны или только разновидность гибридной войны как сочетания информационных, экономических и политических областей с конвенциональными инструментами военных действий? И как можно оценить ведущуюся милитаризацию наук о мозге с позиций её влияния на экономику, общество и легитимность политических режимов в процессе глобального соперничества за ресурсы, власть и влияние? Стремясь найти ответы на эти вопросы, автор внимательно анализирует реальный смысл концепции когнитивной войны, комплекс технологий манипулирования сознанием и их практическую роль в текущих и будущих военных конфликтах.

Ключевые слова: государство, управление сознанием, когнитивная война, науки о мозге, милитаризация нейронаук, некинетические войны, когнитивное доминирование.

JEL: F01, F02, F20, F51, F52

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98

© А.Н. Медушевский, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. № 2. 2023. С. 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98.

FOR CITATION: Medushevskiy A. Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1 // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 2. 2023. Pp. 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98.

Введение

Процессы социальной трансформации тесно связаны с решением задач глобальной конкуренции и способности элит своевременно отвечать на угрозы военной и технологической безопасности. Принципиальными особенностями соперничества государств новейшего времени стали: развитие глобализационных процессов, разделяющих мир на большие геополитические регионы; растущая конкуренция этих регионов за место в формирующейся структуре международных экономических и политических отношений; сетевой характер транснациональных коммуникаций и доступа к ним населения; принципиально новый уровень развития технологий, оказывающих прямое воздействие на мотивацию ключевых решений и способность их реализации.

В концентрированной форме противоречия между государствами на протяжении всей истории человечества разрешались в форме войн, которые рассматривались как естественное право всякой суверенной власти. Отказ от этого принципа произошёл только в XX в., когда, с созданием ООН в 1945 г., Устав этой организации делегитимировал агрессивные войны как инструмент разрешения международных кризисов, но не так называемые «справедливые» войны, направленные на отражение агрессии, борьбу народов за национальное самоопределение или победу над международными террористами. Это решение оказалось неспособно предотвратить современный кризис международного права, не остановило войн, но способствовало изменению их форм. Они всё чаще предстают в виде гибридных войн, где прямое военное столкновение уступает место завуалированному противостоянию ведущих держав по линии информационных акций, экономики, ведения боевых действий в третьих странах или «серой зоне», применения скрытых операций с использованием вместо регулярных армий частных военных структур.

Текущая революция в науках о мозге и технологиях заставила сделать новый шаг в понимании современной войны. Когнитивная война — понятие, введенное в публичное пространство аналитиками НАТО в 2020 г., — оказалось в центре научных и политических дебатов последних лет, актуализировавшихся в контексте конфликта на Украине. Оно отражает ситуацию военного противостояния, в которой потенциально возможно перепрограммирование сознания с использованием современных технологий с тем, чтобы навязать противнику свою волю без обращения к средствам традиционной кинетической войны (физического воздействия) или их использованием в минимальной степени.

Данная постановка проблемы ставит ряд вопросов: насколько понятие когнитивной войны соответствует традиционным представлениям или описывает совершенно новый вид войны; насколько современные технологии перепрограммирования сознания способны достичь перевеса над противником; как применение этих методов противостояния влияет на глобальное соперничество регионов и ведущих держав, а в конечном счёте определяет конструирование нового мирового порядка; наконец, можно ли победить в этом новом типе войн, и, если да, то каким образом?

Ситуация когнитивной войны — что меняется?

Констатация новой реальности, определяемой как когнитивные войны (Cognitive Warfare), выдвинута военными стратегами НАТО. Аналитический центр НАТО — Innovation for Defence Excellence and Security (IDEaS) обратился к этой теме в рамках своего подразделения — Инновационного центра — Innovation Hub of NATO (iHub), расположенного на военной базе ВМС США в Норфолке, штат Вирджиния и призванного осуществлять координацию частных компаний, организаций и лиц в интересах данного блока. Эта работа началась с 2013 г. и велась Центром в сотрудничестве с другим учреждением — École Nationale Supérieure de Cognitive во Франции. Верховный главнокомандующий ОВС НАТО по трансформации высшего командования (Suprême Allied Commander Transformation — SACT) поручил создателю Инновационного центра бывшему офицеру французской армии Ф. дю Клузелю (François du Cluzel) провести шестимесячное исследование когнитивной войны. По завершении этой работы в 2020 г. на публичное обсуждение им было представлено исследование — «Cognitive Warfare», ставшее предметом широкого обсуждения военных аналитиков, учёных и журналистов во многих странах мира [Du Cluzel, 2020]. Основная идея данного аналитического доклада состоит в необходимости изменения представления о войне в условиях нового уровня развития технологий.

Наряду с пятью известными сферами войны (на земле, в воздухе, на воде, в космосе и киберпространстве), появляется шестая — когнитивная. Когнитивная война, следуя

данному докладу, имеет, в отличие от более традиционных видов войны, тотальный характер. Поскольку она охватывает всё мировое сообщество (практически всё население, вовлечённое в конфликт), использует иные (не кинетические, т.е. не связанные с физическим воздействием), но более интенсивные меры воздействия на противника. Эта война внешне невидима, она размывает привычные представления о фронте и тыле (поскольку объектом воздействия становится население всех противоборствующих сторон). В её ходе используются иные виды оружия (в качестве которого выступают сами люди). Она не ограничена во времени и не завершается, в отличие от известных типов военного противостояния, подписанием мирного договора или сдачей противника. Её суть — «война за мозг», ибо «человеческий разум должен отныне рассматриваться как новая область войны». Цель войны остаётся неизменной — навязывание противнику своей воли, однако методы её достижения кардинально меняются.

Данные методы связаны с решением задачи перепрограммирования сознания человека — «взломом разума» и когнитивных способностей, трансформацией позиции общества по критически важным направлениям. Это достигается путём использования совокупности новых технологий сбора информации (большие объёмы данных, структурированных по разным параметрам), её анализа и распространения (кибернетические и компьютерные науки, искусственный интеллект), направленного использования для контроля над сознанием и социальным поведением (информация и дезинформация, слежка, психологические и инжиниринговые технологии). В идеале предполагается возможность достичь победы над противником без обращения к традиционным средствам войны, помимо них или до начала их применения. Вместо прямой атаки против вооружённых сил противника предстоит дезорганизовать сознание оппонентов, парализовав центры управления и принятия решений, «сделать оружием каждого», подменив одни цели социальных групп другими. Поэтому когнитивная война носит всеобщий характер, охватывая разные сферы человеческой деятельности — от информационной сферы, экономики и политики до социального проектирования и управления в глобальном масштабе. Исходя из этого, в докладе декларируется необходимость для военных интенсивно взаимодействовать с академической наукой, а ряд её областей, связанных с высокими технологиями, должен быть милитаризован с целью «помочь Альянсу развить свои возможности в когнитивной войне» (обзор позиций см. в [*Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance*, 2021]).

Когнитивная война определяется как особый самостоятельный исследовательский проект, но получает различные дефиниции [*Cognitive Warfare Project — Reference Documents*, 2022]. Это особый тип войны — её «неконвенциональная форма, которая использует кибернетические инструменты для изменения когнитивного процесса противника, эксплуатируя ментальные наклонности или рефлексивное мышление и, вызывая умственные расстройства, имеет целью оказать влияние на процесс принятия решений и деятельность с негативным результатом как на индивидуальном, так и на коллективном уровне» [*Claverie, du Cluzel*, 2022]; стратегия, фокусирующаяся на изменении того, как думает целевое население — и через это, как оно действует; наконец, прямая «атака на истину и мысль» — «милитаризация общественного мнения внешним игроком с целью оказать влияние на публичную или государственную политику с целью 1) оказать влияние на публичную и правительственную политику и 2) дестабилизировать публичные институты» [*Bernal, Carter, Singh, Cao, Madreperla*, 2020. P. 3]¹. Когнитивная война предстает основной областью противостояния мировых центров силы в прогностических исследованиях НАТО до 2040 г. [*Innovation Hub Warfighting 2040 Project Report*, 2020], а «милитаризации нейронаук» отводится в ней центральное место [*Le Guyader*, 2020]. Суммируя итоги этих исследований, генерал А. Ланата констатировал: текущий взрыв психологических манипуляций в целях

¹ Обзор подходов см. в [*Bernal, Carter, Singh, Cao, Madreperla*, 2021].

социального инжиниринга показывает, что знание человеческого поведения и способности повлиять на него оказываются в центре новой стратегии, охватывая все сектора общества, в частности — обороны и безопасности [Lanata, 2022].

В России данное направление исследований представлено не менее определённо в рамках концепции «мозговой войны». В условиях, когда конвенциональное оружие достигает той мощи, что его применение оказывается невозможным, преимущество, согласно данной логике, должно быть отдано несиловым методам воздействия на противника — разработке методов мозговой (психоманипулятивной) атаки на руководство, население и армию противника. Эти методы, всегда существовавшие в истории (от шаманства до современных психотехнологий), полагают теоретики Генерального штаба РФ (В.Ф. Прокофьев), «скрытно (скорее даже тайно), т.е. без ведома субъекта воздействия, лишают его права самостоятельного выбора логически обоснованных решений, свободы выбора своего поведения, исполнения желаний, выражения эмоций и даже психофизиологического состояния организма (настроения, здоровья)». Подобное воздействие на подсознание программирует сознание на ключевую команду, превращая человека в орудие достижения цели (иногда используется понятие «зомби», взятое из терминологии магии Вуду). Таким образом, «область атаки — подсознание человека» [Генеральный штаб вооружённых сил Российской Федерации, 2004]. Данные разработки психотронного оружия и психофизического воздействия активно велись в СССР начиная с 1980-х гг. (в специальном военном подразделении 10003 во главе с А.Ю. Савиным) в ответ на соответствующие программы США и других стран (Израиль, Япония, Китай, Пакистан и др.) и позволили аккумулировать достижения наук о мозге и традиционные психотехники, созданные в азиатских, африканских, алтайских, сибирских и тибетских культурах — от непосредственных до различных дистанционных методов воздействия на психику [Савин, 2012].

В рамках новейшего форума НАТО Innovation Challenge 2021, посвящённого развитию новой тактики и технологий Альянса, Канадская ассоциация НАТО (формально неправительственная организация) провела специальное мероприятие, где обсуждалась «милитаризация наук о мозге» («weaponization of brain sciences») — возможности использовать «уязвимости человеческого мозга» для продвижения более изощрённых форм социального инжиниринга и контроля. Участники констатировали «быстрое развитие нейронаук как оружия войны», связанного с развитием искусственного интеллекта, больших баз данных и социальных медиа. Поворотным пунктом в этих дискуссиях стало начало Россией СВО на Украине в 2022 г., заставившее Альянс уделить специальное внимание соотношению методов когнитивной и традиционных форм войны — тема, по которой продолжается интенсивная дискуссия [The Human Mind, 2022].

Циничный смысл доктрины когнитивной войны не отменяет того факта, что в ней очень чётко представлены ключевые тренды развития современного глобального социума, проанализированы новые формы и методы соперничества военных блоков, а также сделаны вполне определённые выводы о перспективных технологиях экономического и политического доминирования в будущем.

Смысл понятия когнитивной войны и его интерпретации

Когнитивная война имеет целью изменить восприятие людей, которое является фундаментальной основой действия. Но эта цель присутствует и во всех войнах традиционного типа на протяжении тысячелетней истории человечества — «успешная война идёт дорогой обмана» [Сунь-Цзы, 2021. С. 11]. Если одни исследователи утверждают, что когнитивная война представляет новое качество, то другие по-прежнему склонны считать, что это скорее продолжение или новая форма информационных войн.

Важно поэтому установить точный смысл понятия когнитивной войны, отделив его от ряда других понятий, используемых в современной литературе — информационных, психологических, гибридных и, собственно, обычных войн. Схематично отличие когнитивной войны от информационной войны заключается в объекте воздействия — это война не с тем, что мы думаем (как в информационной войне и пропаганде), но с тем, как мы думаем, т.е. изменении самого способа конструирования картины реальности. Когнитивные войны поэтому предполагают более интенсивное воздействие на сознание — охватывают целые регионы и народы, имеют продолжительное воздействие (неограниченное во времени) и приводят к более устойчивым результатам — фиксации стереотипов восприятия мира, в результате принятия которых индивид или группа начинают воспринимать их как естественные и правильные. В отличие от психологической войны (или психологических операций), когнитивная война — это не кратковременное воздействие (которое можно преодолеть), но неизменное и постоянное глубинное переформатирование сознания индивидов и общества в целом. Основными объектами воздействия становятся те структуры, которые отвечают за понимание смысла происходящего — социальные сети, СМИ, НПО, образовательные программы, блогеры, в конечном счёте — гражданское общество враждебного государства, сознание которого направленно трансформируется в нужном направлении. Третье понятие в этом ряду — гибридные (многодоменные или многоуровневые) войны — отражает скорее их комбинированный характер, сочетающий методы информационного, кибернетического, экономического, политического и конвенционального силового воздействия на противника.

Все три понятия выражают специфику современной войны в отличие от традиционной, выдвигавшей на первое место кинетическое (физическое) воздействие на оппонента, хотя также обращавшейся к изменению сознания противника или покорённых народов. Традиционное понимание войны выражено классической формулой К. фон Клаузевица: это — «продолжение политики иными средствами»; это — «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнять нашу волю», или «место встречи жизни со смертью» [Клаузевиц, 1998. С. 27]. Когнитивная война отличается во многих отношениях: во-первых, она не использует физическую силу для принуждения противника, во-вторых, имеет другую задачу — заставить противника разрушить себя изнутри, сделав его неспособным сопротивляться, устоять и уклоняться от внушаемых целей, в-третьих, не предполагает летального исхода — убийства на поле боя. Наконец, она не продолжает политику, но является её квинтэссенцией в виде информационного воздействия. Таким образом, принципиальное отличие когнитивной войны — возможность изменения самого способа мышления с помощью новых методов и технологий, которые ранее были недоступны.

Рассмотрим ряд новейших определений содержания понятия когнитивной войны. Все они концентрируются на человеческом восприятии как продукте познавательной способности (cognition) — на том, «что мозг делает с информацией и как он это делает», определяя процесс принятия решений. Именно эта способность находится под атакой «когнитивной войны» [Claverie, 2022]. Познавательная способность определяется как «ментальный процесс освоения и понимания знания, который включает потребление, интерпретацию и восприятие информации». Соответственно, возможное понимание состоит в том, что когнитивная область включает «восприятие и осмысление, в котором маневрирование достигается использованием информационной среды для оказания влияния на взаимосвязанные верования, ценности и культуру индивидов, групп и/или народов». На основе этого понимания когнитивная война определяется как «манёвры в когнитивной области для установления предопределённого восприятия среди целевой аудитории для получения преимущества перед другой стороной» [Ottewell, 2020]. Другая дефиниция определяет когнитивную войну как «манипулирование публичным дискурсом со стороны внешних игроков, стремящихся подорвать социальное единство или нанести вред публичному доверию

в политической системе». Третья утверждает, что когнитивная война есть «милитаризация общественного мнения со стороны внешнего актора с целью оказать влияние на публичную и правительственную политику и дестабилизировать публичные институты» [Bernal, Carter, Singh, Cao, Madreperla, 2020. P. 3]. Наконец, представлено понимание когнитивной войны как стратегии, которая фокусируется на изменении, через информационные средства, целеполагания общественной мысли и практики.

Таким образом, набор подходов очень широк — от определения когнитивной войны как совокупности тактических действий по манипулированию сознанием до особой стратегии его преобразования. В сумме, полагает Л. Бьёргул, приведшая эти определения, все они высвечивают основные элементы когнитивной войны: её смысл состоит в оказании влияния и/или дестабилизации общества через изменение того, как люди думают и действуют, а конечная цель заключается в приобретении некоего преимущества над другой стороной. Исходя из этого, «цель когнитивной войны состоит в осуществлении изменений в целеполагании политики сообщества, через когнитивный процесс, достигая преимуществ атакующим государством (или негосударственным актором)» [Bjorgul, 2021]. А противостояние когнитивной войне — новый стратегический вызов, преодолеть который предстоит путём «осознания и гибкости» [Cao, Glaister, Pena, Rhee, Rong, Polavolino, Bishop, Khanna, Singh, Saini, 2021].

В российском сегменте данной дискуссии акценты расставлены по-другому. Доминирующим является близкое понятие ментальной войны, но оно имеет существенные отличия. Ментальная война — это война за социально-культурное пространство, в котором формируется ум и мышление, а потому исключительное значение придаётся истории и образованию, так называемым «традиционным ценностям». Когнитивная война с этих позиций, напротив, ограничена психофизической сферой восприятия и познавательной деятельностью человека с упором на научно-технологические методы воздействия на неё [Макаров, 2022]. Объём понятия ментальной войны значительно шире: это борьба за мировоззрение, идентичность и идеологию с целью полной «оккупации» сознания противника, в то время как когнитивной — методы и способы военных действий и боевых операций [Ильницкий, 2022]. Если ментальная война ведётся на ценностном уровне, то когнитивная — на инструментальном уровне, предполагая установление технологического контроля над потоком информации, её восприятием и воздействием на текущее социальное поведение. В этом смысле когнитивная война в понимании большинства российских авторов есть продолжение информационной или гибридной (многоуровневой или многодоменной) войны, распространением её на новую сферу: контроль сознания и мозга как таковых с подключением новых технических средств, которых не было до XXI в. Когнитивная война иногда определяется как разновидность информационной, противостояние ей — как обеспечение информационно-психологической безопасности, связанной с процессами цифровизации [Алексеев, Алексеева, 2021]. Но это, конечно, упрощение дела: когнитивная война — не информационная, но война за информацию, которая превращается в знание посредством её осмысления, причём с практической целью — изменить сам контекст применения оружия [Bienvennie, Rogers, Troath, 2019].

В российской перспективе введение понятия когнитивной войны имеет ограниченное значение, поскольку новое качество войны определяется здесь не направлением воздействия, а скорее степенью его интенсивности, достигаемой технологическими инструментами. Причина обращения западных аналитиков к этому понятию, по мнению некоторых российских критиков, определяется не силой, но слабостью блока: неспособностью достичь своих целей методами конвенциональной войны. Появление данной концепции связывается с тремя прагматическими факторами — стремлением интегрировать новые научные открытия и технологии в военную сферу; провалом операции США в Афганистане (где НАТО победило в пяти сферах, но вынуждено было уйти из страны, поскольку про-

играло войну в шестой — за умы афганцев); реакцией на успехи России в ряде регионов мира (Сирия и эффективное мирное присоединение Крыма в 2014 г.). Поэтому некоторые российские аналитики вообще отказываются понятию когнитивной войны в теоретической состоятельности, даже называют «бредом» саму «идею когнитивной войны, возникшую в большом мозгу де Клузеля» [Кнутов, 2021], а причины её широкого распространения склонны усматривать в поиске новых форм противостояния Запада с Россией и Китаем. Это, впрочем, не исключает перекрёстного характера применения двух подходов (ментальной и когнитивной войны) для достижения сходных целей: направленного формирования поддержки в обществе установок, желательных для внешнего игрока.

В этой интернациональной дискуссии поставлен ряд важных вопросов: действительно ли новые технологии создают особую область соперничества между государствами; если это так, то каково соотношение когнитивной войны с традиционной её концепцией, которая, как отмечалось, вовсе не отрицала задач трансформации сознания противника; имеет значение обобщенная характеристика системы этих технологий для определения потенциала их воздействия — способны ли они достичь полного когнитивного доминирования над противником, если не сейчас, то в будущем; как оценить социальный эффект их применения с позиций информационной теории, международного права и воздействия на текущие конфликты. Противоречивость ответов на них в современной дискуссии заставляет взвесить аргументы сторон.

Мозг как объект технологического воздействия: от войны за умы к нейровойне

Методы когнитивной войны концентрируются на совокупности технологий, способных оказать влияние на человеческий мозг. Революция в изучении мозга расширила представления о его возможностях, но одновременно выявила его уязвимости. Мозг не просто отражает реальность, но собирает информацию, структурирует и категоризирует её, формулирует понятия и придаёт им значение, вырабатывает эмоции и поведенческие установки. Но мышление и чувство нельзя жёстко отделить друг от друга. Выработка решения это всегда взаимодействие сетей — «вихрь предсказаний», конкурирующих между собой в определении опыта и действий, процесс, на который возможно оказать воздействие с целью управления им [Баррет, 2018. С. 256–257]. Эта идея подробно рассматривалась в классической русской науке, начиная с трудов В.М. Бехтерева о внушении [Бехтерев, 2015], но сегодня получила новые технические возможности. Профессор департамента неврологии Джорджтаунского университета в Вашингтоне Дж. Джордано описал мозг как поле боя XXI в. и сформулировал гипотезу о милитаризации нейронаук [Giordano, 2021]. Если провозглашённой целью когнитивной войны является трансформация мышления, то понятно приоритетное внимание к «искусству использования технологий для изменения сознания человеческих мишеней» («art of using technologies to alter the cognition of human targets»), — технологий, представляющих «опасный коктейль», с помощью которого предполагается манипулировать мозгом («a kind of very dangerous cocktail that can further manipulate the brain»). Соответствующие технологии «битвы за мозг» объединены в рамках акронима NBIC, составленного из названий ключевых научных направлений — нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивные науки (nanotechnology, biotechnology, information technology, and cognitive science) [Norton, 2021]. Ключевой вопрос: способен ли этот коктейль оказать решающее воздействие на характер войны — перейти от того, что мы думаем, к тому, как мы думаем?

Предыстория когнитивных войн связана с поиском соответствующих технологий. Представление о возможности изучать человеческий мозг как машину по производству

образов восприятия с помощью экспертных манипуляций восходит к идеям Просвещения. В XIX в. особый вклад внесла gestalt-психология, а в XX в. это направление характерно для психиатрических и неврологических исследований, а также экспериментов по манипулированию памятью. Примерами успешности применения технологий манипулирования признаются следующие: 1) написанная Дж. Оруэллом радиоадаптация романа Г. Уэллса «Война миров» (1938) — передача, показавшая, как простая беседа способна оказать непосредственное влияние на поведение масс (она вызвала панику у значительного числа людей, поверивших в реальность нападения инопланетян); 2) направленное изменение общественного сознания в США после нападения Японии на Перл Харбор, обеспечившее вступление США в войну; 3) серия конференций в США 1946–1953 гг., объединивших многие дисциплины в кибернетическую программу — инжиниринг, физика, биология, психология, неврология. Результат состоял в развитии полноценной теории систем, сблизивших гуманитарный феномен с техническим, и позволивший рассматривать человеческое сообщество с позиций машинной перспективы. Основным достижением этого подхода признаётся отделение кибернетики от других механистических объяснений. Кибернетика и была рождена из союза военных исследований и попыток объяснить нейромеханизмы психологического феномена на математическом языке [Pastor, 2023].

Соединение таких научных областей, как кибернетика, математика и сложные системы, компьютерные науки, психология, нейронаука и когнитивная наука, консолидировалось вокруг военных достижений Второй мировой войны и получило развитие в последующие десятилетия. Эти эксперименты по созданию интеллектуального оружия повысили внимание к когнитивным факторам его создания и применения. После создания атомной бомбы (Манхэттенский проект) вторым приоритетом стало наведение ракет, породив исследования в широком круге областей — от исследования сенсорных способностей птиц и животных до высокочувствительных радаров и технологий спутникового наблюдения. Использование науки для оборонительных и наступательных психофизиологических акций нашло применение в известных практиках «промывания мозгов» (brainwashing) и техники углублённых допросов, применявшихся ЦРУ с начала 1960-х гг. (KUBARK — Counterintelligence Interrogation guide). Логика развития соответствующих исследований в США, зафиксированных в СССР, отражает последовательный рост внимания к созданию психотронного оружия и инструментов его использования — в различных программах с характерными названиями — «Бумажная скрепка» (1945), «Болтун» (1947), «Синяя птица» (1950), «Артишок» (1951), Проект МК-Ультра, «Звездные Врата» (1972–1995). В них тестировались как методы психологического воздействия, так и эффективность технологий и приборов, включая, например, поиск «сыворотки правды» [Савин, 2012]. Контуры отмирания традиционной военной стратегии вырисовываются уже в 1990-е гг., когда возникает понятие гибридной войны, а основным приоритетом становится соединение военных действий с экономическими и информационными войнами. Беспрепятственный обмен информацией на поле боя и контроль над информацией во внешней среде стали ещё одним важным приоритетом войн нового типа. Первая Иракская война (в Заливе) расценивалась экспертами как последняя война традиционного типа в стиле Клаузевица [Pastor, 2023].

В настоящее время эти тенденции дошли до своей кульминации в концепции когнитивных войн с упором на создание новых видов оружия, способного воздействовать на когнитивные способности (нейронного) или действующего помимо человека (технологии искусственного интеллекта). Когнитивная война опирается на объединение двух, ранее разделённых, военных областей — психологических операций, с одной стороны, информационных технологий и кибервойн — с другой. Данный вид войны представляет конвергенцию информационной войны, когнитивных наук и нейронаук; конвергенцию, основанную на прикладных методах сложных систем. Главный принцип этой войны, по мнению аналитиков НАТО, — воздействие на структуры мышления, которые отвечают за все

спонтанные концептуальные представления каждого индивида (его мысли, пристрастия, верования и представления о реальности), а конечная цель — установление когнитивного доминирования, т.е. абсолютного контроля над населением для извлечения максимальной пользы. Методы связаны с использованием зависимости общества от интернета и сетей коммуникаций. Атаки в когнитивной области включают интеграцию дезинформации/мизинформации, большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение, психологические и социально-инжиниринговые программы. Новое оперативное окружение означает, что принятие решений должно обладать сильными защитными возможностями против когнитивных атак. Эффективная защита включает: осознание, что когнитивная война идёт; способность наблюдать и ориентироваться в обороне, понимать акторов, источники и цели кампании [*Defending Canada against Cognitive Warfare*, 2021].

Возможности данных технологий оцениваются по-разному. Одни увидели в них революцию: появление нового типа нейрокогнитивной войны. Продвижение термина связано с обсуждением так называемого «гаванского синдрома» — ситуации резкого ухудшения когнитивного самочувствия (вплоть до потери памяти и галлюцинаций) американских дипломатов на Кубе в 2016–2018 гг., а затем и ряде других стран, связанного, как предполагалось, с направленным воздействием на функции мозга высокочастотных волн особого типа [*McCreight*, 2022]. Поскольку не удалось точно идентифицировать предполагаемые технологии воздействия, измерить их объём и определить последствия их применения, остался открытым вопрос, как квалифицировать подобные действия в будущем. Тем более, что применение этого оружия не удалось доказать, хотя последствия применения были очевидны для дипломатов. Как считает Р. Маккрейт, до тех пор, пока многие специалисты считают это оружие научной фантастикой, его обладатели будут безнаказанно воздействовать на умы американцев. В этом состоит ключевая проблема применения нового нейрокогнитивного некинетического и не-летального оружия с непрямым стратегическим эффектом в XXI в.

Не входя в вопрос оценки «Гаванского синдрома» по существу (поскольку многие продолжают считать его химерой параноидального сознания), отмечу, что сама дискуссия вполне конструктивна. Вводится понятие «нейроудара» (NeuroStrike) — оружия, которое в перспективе радикально изменит представление о войне, затрагивая такие сферы, как уязвимость человеческого мышления, процесс принятия решений, способность оценки, анализа и восприятия как неограниченной области когнитивной войны. Суть угрозы — инструменты нейрокогнитивного поражения в сочетании с направленным акустическим волновым воздействием, поражающим человеческий мозг, воздействием, которое может быть незаметным, долговременным, ведущим к разным последствиям для индивидов и трудно выявляемым для неспециалиста. Сторонники этого взгляда предвидят новую стратегическую ситуацию в мире, которую определяют как «перманентный нейрокогнитивный конфликт» — Perpetual NeuroCognitive Conflict (PNCC) [*McCreight*, 2022]. Это не кинетическая, но, тем не менее, стратегическая война. Данная война находится за пределами международно-правовых норм, регулирующих военные действия, а также традиционных способов медицинского контроля, но её эффект вполне реален: он открывает возможности осуществить принуждение противника без использования традиционных средств кинетической войны. Потенциал данного некинетического и не-летального оружия, действующего через удалённые платформы на человеческий мозг, будет только возрастать, а потому необходимо изменить оборонительную стратегию, обеспечив распознавание, защиту и пресечение таких атак в оборонительной стратегии в качестве высшего приоритета в мировой стратегической конкуренции.

Когнитивная война, как, напротив, полагает другая группа аналитиков, это не революция, и её не обязательно следует считать даже новой областью войны с возможностью выиграть её до начала военных действий. Она состоит в воздействии на процесс принятия решений оппонентом, создании неопределённости и, в конечном счете, парализации его

действий для достижения победы. Предлагается более чётко разделить ментальную эффективность, проверку реальности и моральную оценку в процессе принятия решений, организации тренингов и взаимодействия соответствующих структур организации, командования и контроля. Главные усилия следует сосредоточить преимущественно на более эффективном использовании субъективного фактора, включая его в существующие рамки военных операций (в пяти сферах). Главная проблема правительства, исходя из этого, — обеспечить достаточный уровень коллективной «когнитивной безопасности», для чего нужно прежде всего защитить процесс принятия решений и воспитать более образованное и подготовленное население, способное защищаться от милитаризованных нарративов и когнитивных атак противника [Pappalardo, 2022].

Синтез нейронаук и технологий действительно открывает перспективы создания нового оружия, имеющего универсальные перспективы применения — от индивида до государств и многонациональных организаций. Если кинетическое воздействие неспособно победить противника, то в дело вступают психология, бихевиоральные и социальные науки. Победа определяется захватом не столько географического, сколько культурно-психологического пространства. Поэтому в военную сферу, помимо основных дисциплин, в невиданных ранее размерах интегрируются антропология, этнография, история, психология [Norton, 2021]. Преодолевая традиционные рамки гибридной войны или расширяя их, нейрооружие призвано противостоять «невидимой угрозе» переформатирования сознания противником. Декларированная цель сил НАТО и их союзников — найти инструменты, оценки и защиты против атак когнитивной области. Для этого нужны идентификация, верификация, квантификация, меры противостояния когнитивным атакам, а также помощь лицам, принимающим решения. НАТО ищет новые технологии и меры, способные противостоять угрозе атак на умы. Для этого привлекаются кадры и мобилизуются таланты, в том числе посредством конкурсов и выдачи премий участникам специальных тренингов по обеспечению безопасности от «невидимой угрозы» [The Invisible Threat, 2021]. Новые технологии войны бросают вызов традиционным международным и национальным правовым нормам её регулирования, требуя создания особого «когнитивного международного права» [Pirker, Smolka, 2019], существенного пересмотра и уточнения права войны [Schmitt, 2022] и вооружённых конфликтов [New Technologies..., 2014]. Расширение применения искусственного интеллекта в ведении военных действий (машин, самостоятельно принимающих решение о нанесении удара) ставит под вопрос многие представления уголовного права, размывая понятия преступления и наказания, а также установления самого субъекта юридической ответственности (им не может быть машина, а заключение её в тюрьму не имеет смысла) [Fleming, 2022].

Таким образом, фантастическая мечта о создании программируемого человека-машины или машины с собственными когнитивными способностями (робота-убийцы) рискует стать предметом практического осуществления с трудно предсказуемыми последствиями.

От конструирования реальности к манипулированию сознанием: насколько далеко заходит релятивизация истины?

Когнитивные науки добились существенного прогресса в понимании того, как мозг человека воспринимает данные внешнего мира, аккумулирует и систематизирует их, определяет смысл происходящего и в конечном счёте конструирует реальность — картину мира, в которой индивиду предстоит действовать. Данный процесс конструирования реальности может опираться на достоверную или недостоверную совокупность данных, зависит от возможности их критической проверки, а также способности учиться на ошибках: накапливать

в памяти определённые алгоритмы анализа поступающей извне информации, определяя её позитивное или негативное значение. Все эти параметры когнитивного процесса определяют направления социальной и когнитивной адаптации индивида, а в конечном счёте и его механизм принятия решений: эффективность и целенаправленность деятельности.

Именно эти ключевые параметры конструирования реальности и определения смысла деятельности становятся объектом атаки в когнитивных войнах, направленных на «взлом» и переформатирование сознания, парализацию воли и способности действовать в нужном противнику направлении. Данная цель достигается невидимой подменой одной картины мира другой, которая может быть совершенно иллюзорной и фиктивной, но воспринимается сознанием как подлинная и, следовательно, рациональная для принятия решений. Ключевыми параметрами такого воздействия выступают интерактивные системы, конструирование смысла, его закрепление и переустановка памяти путём вытеснения одних воспоминаний другими с использованием различных суггестивных практик воздействия на сознание.

Каждый из этих параметров воздействия использует определённые методы, применение которых обеспечивается новейшими технологиями. Интерактивные системы (Interactive systems) — идеальное пространство для подмены реальной картины мира особой виртуальной реальностью, которая способна аккумулировать большую совокупность информации (данных), комбинировать их параметры по разным критериям, представлять её на всех уровнях человеческого восприятия (в виде звука, изображения, вкуса и запаха), причём делать это с высокой долей достоверности, интеллектуального вовлечения и эмоционального вклада. Возможности компьютерного воздействия включают сбор больших индивидуализированных коллекций данных (биометрия и социометрия), создание индивидуальных профилей пользователя, включая новые техники его адаптации, обучения и убеждения. Возникает возможность управления процессами восприятия населением реальности, а в конечном счёте — подмены картины мира.

Конструирование смысла (Meaning-Making) — осмысление опыта — сфера аккумуляции, классификации и комбинирования различных элементов восприятия реальности, отражаемая в нарративах, выражающих привязку индивидуального опыта к коллективному. В этой области ключевым элементом выступают инфраструктуры, ответственные за поддержание смысла: социальные сети, направленное воздействие на которые чрезвычайно облегчает распространение недостоверной и ложной информации.

Закрепление смысла, в том числе фиктивного (Fiction Priming) включает механизмы автоматического взаимодействия по линии «стимул–ответ» для постепенного формирования устойчивых когнитивных представлений и создания стереотипов восприятия, определяющего действия. Благодаря последовательному воспроизводству и повторению, подкрепляемому автоматизированными процессами обучения, эти стереотипы восприятия и реакции на них создают устойчивый эффект привыкания, способный мобилизовать индивида или группу на принятие или отторжение определённых идей без их критической проверки с опорой на дополнительную информацию [Pastor, 2023].

Эти процессы манипулирования сознанием охватывают не только настоящее, но и прошлое, включая особые технологии преобразования памяти. Память вообще ненадежный инструмент сохранения информации, поскольку поддается направленному психологическому воздействию, вплоть до наступления амнезии и имплантации фальшивых воспоминаний. Гибкая природа памяти делает её уязвимой перед воздействием современных суггестивных технологий (внушение), особенно эффективных, если они дополняются методами социального давления на индивида (что отработано в некоторых техниках допроса, призванных не только получить информацию, но и изменить мотивацию). Результатом становится вытеснение одних воспоминаний другими, вплоть до полного преобразования картины памяти. Но замещённая или «имплантированная» память — тоже память, во

всяком случае с точки зрения её практического воздействия на поведение. Так называемые «войны памяти» не имеют ничего общего с реконструкцией реального исторического прошлого, но представляют инструмент такого суггестивного воздействия, способного подорвать веру индивида в системообразующий миф государства (будь то коммунизм, холокост, американская мечта, европейские ценности, русский мир и т.д.). Противостоящая этому подходу теория и методология когнитивной истории чётко раскрывает эти возможности манипулирования историческим прошлым, акцентируя внимание на доказательных методах реконструкции прошлого, возможных с позиций анализа источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности [Медушевская, 2017]. Однако использование научных подходов к анализу информации практически недоступно массовому сознанию.

Понятие «пост-правды» — ключевая метафора, выражающая новое коммуникативное состояние общества. Она описывает ситуацию, когда люди (по крайней мере их большинство) в принятии решений руководствуются верой (основанной на эмоциях и субъективных убеждениях), а не доказательным знанием (критическом анализе источников). Методы манипулирования основаны на растущем контроле государства (или транснациональных организаций) над информационным обменом, технологиями дезинформации/мизинформации, сегментации инфраструктуры (создание так называемых «информационных пузырей», выход за пределы которых оказывается затруднён). Иллюзия свободного выбора поддерживается в социальных сетях иллюзией отсутствия внешней медиации, превращающей пользователей в часть симулируемого мира. Большинство интерактивных систем (как хорошо показывает обращение к видеоиграм) — это не свободные, а детерминированные миры, обитатели которых лишены свободы выбора того, что им требуется. При количественном росте информации (объёма данных) падает её качество — уровень критической проверки достоверности. В результате ложная или недостоверная информация (fake news, alternative facts), либо deepfake (ложная информация, синтезированная искусственным интеллектом в визуальных образах)² начинает превалировать над достоверной, способствуя формированию когнитивных основ гнева, враждебности и насилия. В условиях войны правящие элиты используют все каналы коммуникации для демонизации жертв, когда мы становимся свидетелями леденящих души картин тысяч трупов, рек крови, текущих по камбоджийским полям, где происходили массовые бойни. В результате потрясающие достижения в технике и технологиях идут бок о бок с возвратом к дикости и жестокостям тёмных веков [Бек, 2022].

Успех методов когнитивного воздействия связан с масштабами, глубиной и интенсивностью воздействия на сознание (процессинг, фрейминг, социальные рейтинги, индивидуальные профили и слежка в киберпространстве). Их применение облегчается атомизацией общества (разрывом традиционных социальных связей), с одной стороны, и падением профессионализма академической среды (уровня критического анализа достоверности поступающих данных) — с другой. Этот успех фактически связан с новыми способами закрепления стереотипов восприятия в массовом сознании, доказательное опровержение которых иногда не только не влияет на их восприятие, но даже усиливает его. В своей совокупности эти технологии воздействия на сознание способны, по мнению ряда аналитиков, полностью подменить реальную картину мира фиктивной, добиться предсказуемой реакции ключевых социальных групп на информационные вызовы, осуществлять управление их сознанием, а в конечном счёте обеспечить их мобилизацию для решения задач когнитивной войны. Если это и преувеличение, то само направление размышлений следует признать вполне оправданным в условиях вакуума полноценных правовых сдержек и противовесов деструктивному применению манипулятивных технологий.

² См., например: URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/Deepfake> (дата обращения: 21 марта 2023 г.).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

- Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. (2021). Цифровизация и когнитивные войны [Alekseev A.P., Alekseeva I.Iu. (2021). Cifrovization and Cognitive Warfare] // *Философия и общество*. 2021. Вып. 4 (101). С. 39–51. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3086350/> (дата обращения: 20 марта 2023 г.).
- Баррет Л.Ф. (2018). Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями [Barret L.F. (2018). How emotions are born. A revolution in understanding the brain and managing emotions]. — М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Бек А. (2022). Узники ненависти. Когнитивные основы гнева, враждебности и насилия [Bek A. (2022). The Prisoners of Hate: Cognitive Grounds of Anger, Hostility and Violence]. — СПб.: Питер.
- Бехтерев В.М. (2015). Мозг и внушение [Bechterevev V.M. (2015). Brain and Suggestion]. — М.: АСТ.
- Генеральный штаб вооруженных сил Российской Федерации. (2004). Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Под общ. ред. А.В. Квашнина [Military Security of the Russian Federation. Military security of the Russian Federation in the XXI century]. — М.: Центр военно-стратегических исследований.
- Ильницкий А. (2022). Стратегия ментальной безопасности России [Ilnitkiy A. (2022). Strategy of the Mental Security of Russia] // *Военная мысль*. № 4. 15.04. 2022. С.24-35. URL: <https://amicable.ru/news/2022/04/15/19809/strategy-mental-security-russia/> (дата обращения: 20 марта 2023 г.).
- Клаузевиц К. фон.(1998). О войне. [Klausevitz K. fon. (1998). On War]. — М.: Логос, Наука.
- Кнутов Ю. (2021). Опасный коктейль больного на голову дю Клузеля [Knutov Iu. (2021). Dangerous Cocktail of Mentally-ill du Cluzel] // *Телеканал «Звезда»*. 27. 10. 2021. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20211021176-cPkGh.html> (дата обращения: 20 марта 2023 г.).
- Макаров Е.Б. (2022). Ментальные и когнитивные войны: вопросы определения, цели и средства. 28.10. 2022. [Makarov E. B. (2022). Mental and Cognitive Wars: Questions of Definition, Targets and Tools]. URL: <https://dzen.ru/media/id/5f54f367fdbd8b69779a4b6d/mentalnaia-i-kognitivnaia-voiny-voprosy-opredeleniia-celi-i-sredstva-635818ed5cdf754045543dd1> (дата обращения: 20 марта 2023 г.).
- Медушевская О.М. (2017). Теория и методология когнитивной истории [Medushevskaya O.M. (2017). Theory and Methodology of the Cognitive History] // *Медушевская О.М. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1.* — М. — Берлин: Директ-Медиа. С. 65–418.
- Савин А.Ю. (2012). Мозговые войны [Savin A. Iu. (2012).Brain Wars] // *Военное обозрение*. 18.12. 2012. URL: <https://topwar.ru/22197-ayu-savin-mozgovaya-voyna.html> (дата обращения: 20 марта 2023 г.).
- Сунь-Цзы. (2021). Искусство войны [Sun'-Tsy. (2021).The Art of War]. — М.: АСТ.
- Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. (2021). *Fall 2020 Cognitive Warfare. An Attack on Truth and Thought*. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (access date: 20.03.2023).
- Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. (2020). *Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought*. URL: [Cognitive Warfare.pdf](https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2020-03/Cognitive%20Warfare.pdf) (innovationhub-act.org) (access date: 20.03.2023).
- Bienvennue E., Rogers Z., Troath S. (2019). *Cognitive Warfare is the Fight we've got and we must reorientate to meet this Challenge*. URL: <https://cove.army.gov.au/article/cognitive-warfare> (access date: 20.03.2023).
- Bjorgul L. (2021). Cognitive Warfare and the Use of Force // *Stratagem*. 3.11. 2021. URL: <https://www.stratagem.no/cognitive-warfare-and-the-use-of-force/> (access date: 20.03.2023).
- Cao K.,Glaister S., Pena A., Rhee D., Rong W.,Polavilino A., Bishop S., Khanna R., Singh Saini J. (2021). *Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience*. 20. 05. 2021. URL: [Countering cognitive warfare: awareness and resilience](https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/) <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/> (access date: 20.03.2023).
- Claverie B. (2022). *What is Cognition? And How to Make it one of the Ways of the War?* NANO-CSD-CW- 2022-03-01. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://hal.science/hal-03635907/document> (access date: 20.03.2023).
- Claverie B., du Cluzel F. (2022). *The Cognitive Warfare Concept*. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (access date: 20.03.2023).
- Cognitive Warfare Project- Reference Documents* (2022). URL: <https://www.innovationhub-act.org/cw-documents-0> (access date: 20.03.2023).
- Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. First NATO Scientific Meeting on Cognitive Warfare* (2021). Bordeaux (France) — 21 June 2021. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf> (access date: 20.03.2023).
- Defending Canada against Cognitive Warfare*. 22. 11. 2021. URL: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/maple-leaf/defence/2021/11/defending-canada-cognitive-warfare.html> (access date: 20.03.2023).
- Du Cluzel F. (2020). *Cognitive Warfare. Innovation Hub*. June-November 2020. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf (access date: 20.03.2023).
- Fleming J. (2022). *Changing the LAW(S) of War: The Normative Implications of Autonomous Weapons Systems*. Centre for International and Defense Policy. 25. 04. 2022. URL: <https://medium.com/centre-for-international-and-defence-policy/changing-the-law-s-of-war-the-normative-implications-of-autonomous-weapons-systems-803c7b484574> (access date: 20.03.2023).

- Giordano J. (2021). *Emerging Neuroscience and Technology (NeuroS/T): Current and Near-Time Risks and Threats to NATO Biosecurity*. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/NATO%20NeuroST%20Report%20FINAL.pdf (access date: 20.03.2023).
- Lanata A. (2022). *Cognitive Warfare*. 1.04. 2022. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://hal.science/hal-03635872/document (access date: 20.03.2023).
- Le Guyader H. (2020). *Weaponization of Neuroscience*. 05. 12. 2020. URL: https://www.innovationhub-act.org/blog/weaponization-neuroscience (access date: 20.03.2023).
- McCreight R. (2022). *Neuro-Cognitive Warfare: Inflicting Strategic Impact via Non-Kinetic Threat // Small Wars Journal*. 9.16. 2022. URL: https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/neuro-cognitive-warfare-inflicting-strategic-impact-non-kinetic-threat (access date: 20.03.2023).
- New Technologies and the Law of Armed Conflict* (2014). / H. Nasu, R. McLaughlin (Eds.). — Canberra: Springer, 2014. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.asser.nl/upload/documents/20140120T031628-Frontmatter%20Nasu%20McLaughlin.pdf (access date: 20.03.2023).
- Norton B. (2021). Behind NATO's 'Cognitive Warfare': 'Battle for your Brain' waged by Western Militaries // *The Grayzone*. 13.10.2021. URL: https://mronline.org/2021/10/13/behind-natos-cognitive-warfare-battle-for-your-brain-waged-by-western-militaries/ (access date: 20.03.2023).
- Ottewell, P. (2020). *Defining the Cognitive Domain // OTH*. URL: Defining the Cognitive Domain — OTH (othjournal.com) (access date: 20.03.2023).
- Pappalardo D. (2022). «Win the War before the War»: A French Perspective on Cognitive Warfare // *War on the Rocks*. 1.08.2022. URL: https://warontherocks.com/2022/08/win-the-war-before-the-war-a-french-perspective-on-cognitive-warfare/ (access date: 20.03.2023).
- Pastor A. (2023). *Cognitive Warfare. Manuscript in development*. 6. 02. 2023. URL: file:///D:/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8/CognitiveWarfare2022.pdf (access date: 20.03.2023).
- Pirker B., Smolka J. (2019). The Future of International Law is Cognitive—International Law, Cognitive Sociology and Cognitive Pragmatics // *German Law Journal*. V. 20. No.4. Pp. 430–448. URL: https://doi.org/10.1017/glj.2019.30 (access date: 20.03.2023).
- Schmitt M.N. (2022). *War, Technology and the Law of Armed Conflict*. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1230&context=ils (access date: 20.03.2023).
- The Human Mind as «New Domain of War»: NATO Plans for Cognitive Warfare* (2022). 26.11.2022. URL: https://www.projectcensored.org/18-the-human-mind-as-new-domain-of-war-nato-plans-for-cognitive-warfare/ (access date: 20.03.2023).
- The Invisible Threat: Tools for Countering Cognitive Warfare* (2021). URL: https://www.canada.ca/en/department-national-defence/campaigns/fall-2021-nato-innovation-challenge.html (access date: 20.03.2023).

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Sciences (Philosophy), Tenured Professor, Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

COGNITIVE WARFARE: SOCIAL CONTROL, MEANING-MAKING AND THE INSTRUMENT OF THE GLOBAL DOMINANCE (Part 1)

Abstract. Cognitive warfare becomes one of the most important element of the current debates on war and peace in the globalizing society. What is cognition and how it could be transform into one of the ways of war? Is it really a principally new type of war, or just a variety of a hybrid war, as combined informational, economic and political domains with conventional tools of military activities? And how we can evaluate conducting weaponization of brain sciences in terms of its potential impact on economy, society, political regimes legitimacy in process of the global competition over resources, power and dominance? The author looks forward to answer these questions by careful analysis of the real sense of the cognitive warfare concept, the complex of brain-manipulation technologies, and their practical role in current and future military conflicts.

Keywords: state, mind control, cognitive warfare, brain sciences, weaponization of neuroscience, non-kinetic wars, cognitive dominance.

JEL: F01, F02, F20, F51, F52.